

БУКОЛЫ

А. Д. Дмитриев

(Из истории аграрного движения в Римском Египте)

Вопрос о буколах еще не получил в исторической литературе своего правильного разрешения и не освещен еще с достаточной ясностью. В западноевропейской историографии до настоящего времени господствует в общем моммзеновская точка зрения, по которой буколы являются «настоящими разбойниками», скрывавшимися в болотистых местах Дельты, к востоку от Александрии. Может быть, поэтому зарубежные историки не любят много заниматься буколами.

В этом отношении показателен труд крупного специалиста по Римскому Египту американского историка Джонсона «Roman Egypt to the reign of Diocletian» (Baltimore, 1936), представляющий второй том «An economic survey of ancient Rome» Тенней Франка. Даже самого слова «буколы» мы не найдем в его объемистом труде.

Между тем, дошедшие до нас источники с достаточной ясностью свидетельствуют, что движение буколов было настоящим аграрным движением, и оно должно рассматриваться нами как одно из важнейших звеньев той «революции рабов», которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹.

После присоединения к империи Египет сделался «житницей Рима» и в качестве богатой хлебобородной страны стал подвергаться особенно усиленной эксплуатации. Можно сказать, что основой римской экономической политики в Египте во все времена являлось выкачивание из страны возможно большего количества хлеба и денег. Аврелий Виктор говорит, что Египет в правление Августа ежегодно доставлял в столицу империи 20 миллионов модиев хлеба, что равняется 150 миллионам литров или, по тогдашним египетским мерам, 6 500 000 артаб².

Нафтали Льюис указывает, что даже столь горячий поклонник политики Августа, как Т. Райс Гольмс, склонен был допустить, что «правила, установленные, по приказу Августа, для чиновника, известного под

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

² A. u. r. V i c t., Epit. I, 16, ed. Virontina, стр. 156. Иосиф Флавий утверждает, что Египет доставлял для продовольствия Рима хлеба на 4 месяца, а Африка на 8 месяцев (Bell. Jud., II, 16).

именем пидиолога..., были справедливо названы (разработанным) орудием налогового гнета»¹.

Действительно, египетские крестьяне со времени установления римского господства были задавлены тяжестью всякого рода натуральных и денежных налогов, а также литургий, увеличившихся еще больше вследствие произвола и злоупотреблений римских властей. Налоги сильно снижали жизненный уровень крестьянина, арендовавшего государственную или частичную землю. Он жил едва не впроголодь и в дополнение к хлебу часто питался собранными на полях травами, а потребление вина, масла и покупка новой одежды были для него в большинстве случаев недоступной роскошью.

В тяжелые экономически годы мелким арендаторам приходилось особенно тяжело, и, чтобы кое-как прожить и уплатить налоги, они вынуждены были прибегать к займам. Большое число долговых обязательств, о которых нам известно из дошедших до нас официальных документов из Тебтуниса от 46 г., показывает, что долги были хроническим явлением даже в такое сравнительно хорошее время, как первый век².

Но с долгами очень трудно было расплатиться, так как налоговое бремя, накладываемое на крестьян, было столь велико, что все прибыли и выгоды от арендованной земли почти без остатка пожирали эти многочисленные налоги. В итоге крестьяне часто лишались всяких средств существования и, задолжавшись свыше меры, доходили до полной нищеты³. Налоговая же политика Рима была неумолимой. В подавляющем большинстве она покоилась на репрессиях, на устрашении и на все усиливавшемся гнете, а льготы давались крайне редко, когда создавалось в стране действительно серьезное положение. Доведенные до крайности, крестьяне бросали свою землю и уходили в бродячество, в разбой (*ἀναχωρησις*); но и такой выход не всегда был возможен. До нас дошел приказ стратега нома Арсиной от 247 г., в котором он пишет: «Приказываю всем крестьянам округа Малая Фроя, внесенным в списки, поданные мне декапротами, без всяких отговорок оставаться на своих арендованных участках для того, чтобы беспрепятственно могли быть взысканы долги священной государственной казне»⁴.

Иногда у должников конфисковывали все имущество впрямь до уплаты долга, а имена их заносились в проскрипционные списки стратега (*προγραφαι*), в которых они значились как *ὄπιστοι*, т. е. подозрительные лица. Папирус из Фаюма от 199 г. сохранил нам приказ стратега Аврелия Виктора Юлию Полидевку, вероятно, полицейскому чиновнику, о такой конфискации:

«Аврелий Виктор почтеннейшему Юлию Полидевку привет! Все имущество Флавия Гермаиска, бывшего арендатора поместья Эмбре и должника государственной казны, постарайся разыскать и сохранить в целостности, о чем донести мне»⁵. Если имущества должников было недостаточно

¹ N a p h t a l i L e w i s, *Μερισμός ἀναχωρησέων: an aspect of the Roman oppression in Egypt*, JEA XXIII (1937). Русск. перев.: «ВДИ», 1939, № 1 (6), стр. 19—33.

² Pap. Mich., 123.

³ Pap. Berl. Leihgabe, 1, 7 от 162 г., где фигурируют трое *ἐξθενηκότες*, т. е. обнищавших крестьян. См. также Pap. Оху., IV, 705 III (W i l c k e n, Chrest., 407), где крупный землевладелец в Оксиринхском номе Аврелий Горийон в своей петиции Септимию Северу и Каракале от 202 г. говорит: «*κῆραι τινος ... σφόδρα ἐξθενησαν ἐνσυλβεμένοι ὅτι κατ' ἕτος διτισυρίων...*»

⁴ BGU, 7. На второй колонке папируса следует список таких должников, в большинстве своем мелких арендаторов. Ср. A. C. Johnson, *op. cit.*, стр. 121.

⁵ BGU, 106. См. также SB, 4416, папирус из Caranis от 157 г. о конфискации за долги казне садовой земли; см. еще BGU, 599; Wilcken, Chrest., стр. 363, папирус из Фаюма от II в. Ср. A. C. Johnson, *op. cit.*, стр. 128, 138—139 и 140.

для покрытия долга или если они не имели никакого имущества, то после выяснения их полной несостоятельности таких должников подвергали аресту¹ и после наказания палочными ударами² заключали в долговую тюрьму. Об этом мы узнаем из эдикта Тиберия Юлия Александра, префекта Египта в 68 г. Он приказывает, «чтобы решительно ни одного человека не заключали в тюрьму, если он не совершил злодеяния, и в долговую тюрьму, за исключением должников императорской казны»³.

Заключенных за долги в оковах угоняли на сельскохозяйственные работы в поместья чиновников или к крупным арендаторам императорской земли, где они находились на положении рабов⁴. Часто встречающийся в папирусах специальный термин «σύλληψις» в применении к несостоятельным должникам означает именно порабощение, «анпроприацию личности»⁵. Это имеет в виду Филон Александрийский, когда говорит, что налоговые насилия «οὐ μόνον ἐκ τῶν οὐσιῶν, ἀλλὰ καὶ ἐκ τῶν σωματῶν, ἀχρὸ καὶ ψυχῆς τοῖς κινδύνοις ἐπιφέροντες ὑπὲρ ἑτέρων ἑτέροις»⁶.

Римский гнет, естественно, вызывал сопротивление со стороны разоряемой крестьянской бедноты. Но разобщенное и неорганизованное население египетских деревень не имело возможности открыто подняться на борьбу. Оно вынуждено было покидать свои дома, свои насиженные места и бежать от своих жестоких притеснителей.

Ἀναχώρησις является действительно характерной особенностью египетской социальной жизни во времена римского господства. Правда, еще в эллинистическую эпоху бегство крестьян из своего местожительства (ιδίξ) служило для сельского населения обычным средством спастись от произвола и насилий со стороны местных властей. Бежали тогда по большей части в храмы под защиту богов⁷. Но это бегство часто носило характер «забастовок» и кончалось обычно возвращением беглецов, после того как власти «устраняли несправедливость, протестом против которой было бегство»⁸. В период же римского господства ἀναχώρησις потеряли свой прежний характер «забастовок» и сделались настоящим бегством, приняли характер окончательного ухода из своего местожительства без намерения когда-либо возвратиться назад, да и без возможности этого ввиду грозящего беглецам сурового наказания. Понятно, что главнейшей причиной бегства крестьянского населения был невыносимый римский гнет. Поэтому совершенно прав Нафтали Льюис, когда он решительно выступает против мнения Ростовцева и Джонсона. Ростовцев полагал, что ἀναχώρησις стали хроническим явлением только к концу II в.,

¹ Pap. Oxy., I, 65 от III или нач. IV в., где содержится ордер на арест, данный дежурным бенефициарием комархам деревни Теруфис в Оксирихском номе. Ср. 1, 64.

² F. Preisigke, *Griewesen im griechischen Agypten*, Strassbourg, 1910, стр. 478 сл.

³ Dittenberger, OGIS, 669, 17 сл. Вновь найденный отрывок эдикта на папирусе опубликован в «ZSSb.», XLII (1922), стр. 125 и сл. Ср. M. Rostowzew, *Studien zur Geschichte d. röm. Kolonats*, Leipzig u. Berlin, 1910, стр. 208. Русск. перев. см. А. Рано в ич, *Первоисточники по истории раннего христианства*, М., 1933, стр. 25 сл.

⁴ Mitteis, *Privatrecht*, I, стр. 370 сл.; Rostowzew, *op. cit.* стр. 208, где приводятся списки несостоятельных должников.

⁵ BGU, 283, 572, 1047. Ростовцев в связи со своей теорией колоната видит здесь не порабощение несостоятельных должников, а закрепощение и устанавливает крепостное право в Египте уже в I в. н. э.—см. *op. cit.*, стр. 208.

⁶ Philo, *De specialibus legibus*, III, 30, § 163, Ср. Нафтали Льюис. «ВДИ», 1939, № 1 (6), стр. 21, прим. 2.

⁷ F. V. Woess, *Das Asylwesen Aegyptens in der Ptolemäerzeit*, «Munch. Beitr.», 5 Heft, München, 1923, стр. 33—47.

⁸ PSI, V, 502 (256—7 г. до н. э.); Pap. Strassb., II, III (IIIв. до н. э.); BGU, 1245 (III—II в. до н. э.); Pap. Teb., 1,41 (ок. 119 г. до н. э.); 1,26 (114 г. до н. э.). Ср. M. Rostowzew, *op. cit.*, стр. 217, Нафтали Льюис, *op. cit.*, стр. 20, прим. 2.

когда обнаружались симптомы кризиса, а до того, в «счастливые периоды» I в. и первой половине II в., случаи бегства египетских крестьян вызывались будто бы «исключительными обстоятельствами», а именно, эпидемиями холеры и чумы, которые столь часто посещали Египет¹. Разделяя это мнение, Джонсон считает, что ἀνυπαρξίαι вообще объясняются «тягой крестьянства к прелестям городской жизни и, может быть, ростом налогов»². Вопреки таким утверждениям, Нафтали Льюис справедливо говорит: «На мой взгляд, факты повсюду слишком красноречиво говорят о том, что нищета и отчаяние заставляли разоренных крестьян бежать со своих насиженных мест, так что нет надобности предполагать, что это бегство было лишь «частью городского движения, тяги к высокопромышленной Александрии, где жизнь была разнообразнее и более надежной, чем в сельских местностях»³.

Положение беглецов, по сравнению с птолемеевским временем, значительно ухудшилось, так как уже Тиберий повсюду отменил право убежища в храмах⁴. Отныне искать защиты от притеснений своих жестоких врагов крестьянам нельзя было даже у богов.

Только сравнительно небольшая часть беглых направлялась в крупные города, особенно в Александрию, где, вследствие конкуренции рабского труда, превращалась в люмпен-пролетариат и тонула в массе нищего и бездомного городского населения, Основная же масса крестьян, покидая свои деревни, убегала в болотистые малодоступные места, где начинала жить новой вольной жизнью, но зато римская классовая юстиция объявляла их вне закона, зачисляла в разряд бродяг и разбойников и преследовала их с варварской жестокостью⁵.

Особенно излюбленным убежищем для беглецов была окруженная болотами и заросшая тростником местность, издавна носившая название Βουχλία. Это была широкая болотистая низменность к востоку от Александрии возле Гераклеийского рукава⁶. Гелиодор, писатель III в., в своем романе «Aethiopia» подробно описывает эту местность. «Βουχλία называется у египтян вся эта местность. Это — впадина земли, принимающая выходящие из берегов воды Нила и превращающаяся в озеро, — в середине глубины бездонной, а по краям переходящее в болота»⁷.

Здесь беглецы, получившие название «буколов», устраивали целые поселки, в которых проводили всю свою жизнь. «Среди них (болот), продолжает Гелиодор, расположен весь стан египетских разбойников; одни устраивают себе шалаши на клочках земли, там, где она выступает из воды; другие проводят жизнь на лодках, которые служат им и кораблем и жильем. На лодках им женщины и шерсть прядут, на лодках и рожают. Если у них рождается ребенок, то они сперва кормят его материнским молоком, а затем рыбой из озер, высушенной на солнце... У этих буколов человек рождается на озере, вскормлен им и считает своей родной озеро. Оно к тому же служит еще и мощным оплотом для разбойников. Поэто-

¹ M. Rostovtzeff, The social and economic history of the Roman Empire, Oxford, 1926, стр. 578, прим. 50.

² A. C. Johnson, op. cit. стр. 246, 354, 482, 545, 546.

³ Нафтали Льюис, op. cit., стр. 24, прим. 1; ср. E. Bickermann, «Gnomon», 3 (1927), стр. 671—675.

⁴ Tacit., Annal., III, 60; Suet., Tib., 37. Тацит дает интересный мотив этой отмены: complebantur templa pessimis servitiorum.

⁵ BGU, II, 372, II, 1—3: ἐχόντας ἀσκήρᾳ πονηρῶν καὶ ληστρικῶν βίον ἐλθόντας μισγυνοῦσθαι. ср. ib., 41—43.

⁶ Herodot., II, 17 ἰχθὺν Ср. Hieronym, Vita Hilarionis, II, ed. Vallarsi., стр. 89.

⁷ Erotici scriptores, ed. 1856, Heliod., Aethiop., 1,5. Русский пер. изд. «Academia», М. 1932.

му-то и стекается туда такой люд. Все они пользуются водой вместо крепостной стены и за густым болотным тростником укрываются, как за валом. Они проложили извилистые тропинки, запутанные многочисленными поворотами. Эти тропинки очень удобны для них самих, и они их знают, а для всех других людей они сделали их непроходимыми, устроив себе надежнейшее убежище, чтобы не страдать от набегов.

Вот в каком роде это озеро и живущие на нем буколы»¹.

Ахилл Таций, писатель V в., в своем романе «Лезкиппа и Клитофон» также описывает местность, населенную буколами. «У буколов, — пишет он, — есть небольшие легкие лодки, для которых нужно немного воды. Если же вода совершенно спадает, пловцы несут лодку на спине, пока не дойдут до воды. На этих озерах образовались рассеянные островки. Один из них, лишенные жилищ, заросли папирусом. Густые ряды папируса отстоят друг от друга настолько, что между ними может стать только один человек. Это пространство прикрывают сверху листья папируса. Заезжая сюда, обитатели островков совещаются и сидят в засаде и укрываются, пользуясь папирусом как стеной. Некоторые же из островков покрыты шалашами и, окруженные озерами, напоминают укрепленные городки. Здесь убежища буколов»².

В своих поселениях буколы устраивали подземелья, искусно вырытые глубоко в земле, для хранения захваченной добычи. Гелиодор дает нам описание этих пещер: «Сделано это было вот как. Был узкий и темный вход, находившийся под дверями тайника, так что порог оказывался при спуске дверью, которая, смотря по надобности, падала вниз или откидывалась. От него дорога разветвлялась на беспорядочно запутанные узкие ходы. Ходы и закоулки, ведущие в самые недра, то хитро извивались, каждый своим путем, то, сталкиваясь друг с другом, переплетались, как корни, и выходили, наконец, к одной широкой площадке на самом дне, сливаясь там воедино. Тусклый свет из расщелины на самом краю озера падал туда» (Heliod., I, 28, 29).

Самих буколов романисты, естественно, изображают отрицательными чертами с определенной целью придать буколам типичный образ «самых страшных разбойников». Они — «коварны», «ненадежны по природе», «народ неверный» (Hel. II, 11). Они — «свирепые на вид» (ib., I, 3) и кажутся похожими на ужасных дикарей «с косматыми и длинными, дико всклокоченными волосами», которые они отращивают до бровей, собирают на лбу и разбрасывают на плечах»³. Даже кони у них «с косматой гривой, неоседланные, незвнузданные: ведь таковы кони разбойников». (Achill. Tat., III, 12). «Все они огромного роста, темного цвета, но не чернокожие, как индийцы, а такие, какими бывают нечистокровные эфиопы. У всех ноги тонкие, тело тучное» (ib., III, 5). О них рассказывали самые страшные вещи. Говорили, будто бы для умопомрачения богов они приносили в жертву захваченных в плен девушек и по окончании жертвоприношения тут же поедали внутренности закланной жертвы (Achill. Tat., III, 12).

Эти ходячие легенды не вызывают сомнений у Кассия Диона, и он в свою очередь рассказывает, будто бы восставшие в 175 г. при Марке Аврелие буколы принесли в жертву римского центуриона, который был волею судьбы съеден ими (Dio Cass., LXXI, 4).

Римская полиция часто устраивала облавы на буколов, вылавливая

¹ Heliod., I, 5, 6.

² Erotici scriptores, Achill. Tat., IV, 12. Русск. перев. под ред. Богаевского, М. 1925.

³ Achill. Tat., III, 12; ср. Heliod., II, 20.

их в густых и трудно проходимых зарослях тростника, словно диких зверей в их логовищах и норах¹. Тогда в *Восхолла* происходили жаркие кровавые схватки. Ахилл Таций дает нам (понятно, в художественной зарисовке) картину таких схваток.

Вот послышался звук трубы, громкий воинский клич, и внезапно показался военный отряд, составленный из тяжеловооруженных. Завидев его, разбойники... стали ожидать приближения воинов, готовясь дать им отпор. Те скоро подошли, в числе пятидесяти, все тяжеловооруженные, у одних щиты до пят, у других—круглые. Разбойников было гораздо больше. Схватив с земли комья, они стали бросать их в воинов. Любой стрелы опаснее комья египетские: твердые, цепкие, с острыми краями. Поэтому ударами причиняет одновременно две беды: рану и опухоль, как от камня, и порез, как от стрелы. Но воины, прикрывшись щитами, мало обращали внимания на бросающих. Когда же разбойники устали бросать эти комья, воины открыли фалангу, вперед выбежали легковооруженные, каждый с копьем и мечом, начали сразу же метать дротики, и никто из них не промахнулся. Затем обрушились тяжеловооруженные. Битва была упорной: удары с обеих сторон, раны, резня... В это время подъехало много всадников. Приблизившись, они растянулись на оба крыла фаланги, окружили разбойников, зажав их в тесное кольцо, и стали истреблять. Разбойники частью полегли мертвыми, частью полумертвые сражались. Остальных забрали в плен живыми (Achill. Tat., III, 13). Иногда римские отряды, захватив поселения буколов, поджигали шалаши и лодки спасавшихся бегством обитателей. Оттуда огонь перебрасывался на близлежащие болота, пожирая в огромном пламени росший там тростник и наполняя всю местность удушливым дымом (Heliod., I, 30). В этом море огня и в дыму гибли с женами и детьми укрывавшиеся в тростнике буколы. Но часто буколы одерживали победу над отрядами римских войск, хитростью завлекая их в глубь своих островков и устраивая засады. Здесь, окруженные своими врагами, римские солдаты погибали среди массы воды и непроходимых болот (Achill. Tat., IV, 13, 14).

Неожиданное нападение и скрытые засады принадлежали к любимым маневрам тактики буколов. В военных хитростях они были очень искусны и изобретательны. Ахилл Таций знакомит нас с военными приемами буколов, отбивавшихся от своих врагов. «Увидав, что приближается стратег, буколы придумали следующее. Собрав всех стариков и возложив на них мирные пальмовые ветки, они поставили позади них самых крепких из молодежи, вооруженных щитами и копьями. Старики должны были, поднимая ветки, укрывать задних листьями, а те должны были наклонить копья к земле, чтобы их нельзя было разглядеть. Если стратег склонится на мольбы стариков, то копьеносцам не следует начинать сражения, пока стратег не будет заманен к городку под предлогом, будто они предадут там самих себя на смерть. Когда же они будут на середине перешейка, то старикам, по данному знаку, надлежит разбежаться и бросить свои ветки, а вооруженным окружить неприятельское войско и делать с ним, что смогут... Вдали были поставлены разбойниками соглядатаи, которым было поручено прорвать речную плотину и выпустить всю воду на неприятеля, если они увидят, что те начали переправу...

Как только римское войско неосмотрительно приближалось к городку, расположенному на острове, буколы торжествовали. Все совершается одновременно: приставленные к плотине люди быстро прорывают ее, старики, бывшие перед войском, внезапно расступаются, юноши, подняв копья, выбегают, а вода все быстрее приближалась. Болота увеличива-

¹ Helicid., II, 24.

лись, разбухая со всех сторон, перешеек затоплялся и все становилось как море» (Achill. Tat., IV, 13, 14).

Застигнутые врасплох и смущенные неожиданным нападением, римские отряды погибали от ударов копий или тонули в воде. Очень часто буколы, объединившись в более или менее значительные отряды, выходили из своих убежищ на открытую борьбу. Они нападали на соседние города и поместья, поджигали виллы и дома богачей, избивали римскую администрацию и опустошали окрестности. Они всегда будили горячие симпатии к себе и встречали поддержку со стороны сельской бедноты и рабов, пополнявших их ряды¹. Тогда дело доходило до настоящих восстаний, которые принимали большие размеры. У нас нет прямых данных о том, в какой мере Буколия пополнялась беглыми крестьянами и какова была роль буколов в крестьянских восстаниях в Египте, первое из которых произошло уже при Августе (Страб., XIII, 1, 53).

Может быть, намек на связь *ἀναθεωρητός* с буколами содержится в эдикте Семпрония Либералия об амнистии, изданном после грандиозного восстания 154 г., когда был убит римский префект (Maal., XI., стр. 280). Несмотря на объявление амнистии, в эдикте слышатся явные угрозы по отношению к буколам-беглецам. «А те, которые не послушаются немедленно, — будут повсюду разыскиваемы, как явные преступники».

В *Βουκόλια*, надо полагать, беглецы имели возможность объединиться, вооружиться, получить опытных вождей, чтобы затем выступить на решительный бой.

В 174—175 г. буколы вышли, наконец, из своих убежищ и подняли восстание, быстро охватившее весь Египет и превратившееся в широкую и мощную народно-освободительную войну. Это и было то огромное восстание буколов, о котором весьма скупо повествует нам Кассий Дион (LXXI, 4).

На основании его рассказа, дополняемого другими краткими данными, развитие событий можно представить себе так. Первоначально восстание имело местный характер. Вооруженные отряды буколов (*Bucolici milites*)² напали на ближайшие охранные отряды римских войск. Они имели успех, после чего к ним стали присоединяться крестьяне близлежащих деревень. Скоро восстание распространилось на весь район Нижнего Египта. В это время во главе восстания стал один из популярнейших и гонимых Римом «мефисских пророков» жрец Исидор. Под его руководством восстание приняло характер всеобщей антиримской народно-освободительной войны. Повидимому, и крупная землевладельческая туземная знать была вовлечена в движение, преследуя свои сепаратистские цели. Но основной движущей силой восстания была разоренная крестьянская беднота. Момент был чрезвычайно благоприятный для восставших, так как Марк Аврелий вел тяжелую Маркоманнскую войну и один из легионов, оставивших египетский гарнизон, *legio II Traiana*, был отправлен для участия в этой войне. В ожесточенных сражениях римские войска были разбиты и не смогли сдержать натиск восставших войск. Они отступили в Александрию, которая подверглась осаде и едва не была взята. Тем временем из Сирии прибыл наместник Сирии Авидий Кассий, имея с собой три легиона. Но он не решился на открытый генеральный бой. Он принял план посеять раскол в лагере восставших и таким образом ослабить их, а затем

¹ Случаи бегства рабов часто упоминаются в папирусах, см. BGU. 1149; Pap. Oxy., III, 472; XII, 1422; XIV, 1643; PSI, VI, 710; Pap. Berl. Leihgabe, 1,15; Pap. Lond., II, 251.

² SHA, Marc. Aur. 21: et quum per Aegyptum Bucolici milites gravia multa fecissent, per Avidium Cassium refusi sunt.

разбить. Сделать это было сравнительно легко, так как социальный состав восставших был очень пестрый. Кроме того, движение крестьянских масс носило стихийный, неорганизованный характер. Все это содействовало осуществлению плана Авдия Кассия. Из дальнейших событий становится ясным, что Авдий Кассий пошел навстречу сепаратистским требованиям туземной аристократии и таким образом заручился ее содействием в борьбе против широкого движения угнетенных масс. Он обещал египетской знати возглавить ее борьбу против унии с Римом, и знать, боясь народного движения, помогла ему подавить восстание буколов. После ликвидации восстания буколов Авдий Кассий в июне 175 г. совершил в Египте переворот, объявив об отпадении Египта от империи и приняв верховную императорскую власть. Однако через три месяца он был убит одним центурионом, а бывшие в Египте легионы вновь присягнули на верность Марку Аврелию.

Вместе с тем правительство Марка Аврелия путем жестоких репрессий окончательно подавило и сепаратистские поползновения изменившей египетской знати. Еще после смерти Марка Аврелия продолжались эти репрессии. Император Коммод после вступления на престол приговорил к смертной казни фамилию Авдия Кассия и других лиц, замешанных в перевороте. С этим связаны позднейшие «акты мучеников» Александрии, в которых рассказывается, что Аппиан, гимнасиарх Александрии, осужденный на смерть, причисляет себя к другим «мученикам» за идею политической независимости страны¹.

В конце II в. Египет вступает в полосу аграрного кризиса. Кризис дал себя знать особенно сильно при династии Северов, в начале III в. Сельское хозяйство упало вследствие обезлюдения деревень. Покинутая земля оставалась необработанной, плотины и каналы пришли в запустение, работы по ирригации приостановились. К тому же голод и чума опустошали страну. Частные письма от начала III в. жалуются на тяжелые времена, на высокие цены на хлеб, на одежду и все предметы продовольствия и широкого потребления, чему способствовало обесценение денег². Но налоговый пресс неослабевал. Новые налоги были введены на полотно, пеньку, стекло, бумагу, соль, вино, и, очевидно, были увеличены натуральные налоги и литургии (А. С. Johnson, *op. cit.*, стр. 35). В петиции крупного землевладельца в Оксиринхском номе, поданной в 202 г. Септимию Северу и Каракалле, говорится, что «некоторые деревни в Оксиринхском номе... крайне обнищали, вследствие обременительных ежегодных литургий... так что ваша земля рискует остаться невспаханной»³.

В такой обстановке аграрное движение в стране не прекращалось, еще более увеличивая начинающуюся экономическую разруху. Мы знаем, что Септимий Север принимал энергичные меры против буколов и в 200—201 гг. намеревался даже учредить особую инспекцию в стране для борьбы против массового бегства крестьян (Parker, *op. cit.*, стр. 1, 20).

Заслуживает также внимания, что в начале III в. в Египте усиливается полиция. В каждую деревню назначили теперь по два полицейских офицера (*ἀρχεφάροι*), которые были ответственны за спокойствие в деревнях. Они имели у себя целый штат низших чинов (*φύλακες*).

¹ Pap. Oxy., 1, 33. J. G. Milne, A history of Egypt under Roman rule, London, 1924, стр. 52 сл. Леон Омо называет буколов «одной из религиозных сект, возникших из пастухов-номадов», и видит в восстании их только движение «фанатиков-сектантов»; L. Poino, Le Haut-Empire (Histoire générale de Glotz, IIIe, стр. 563).

² BGU, 417; Pap. Ryf., 244; Pap. Oxy., 1668.

³ Pap. Oxy., IV, 705, Cp. Wilcken, Chrest., 407.

Кроме того, в каждом округе находился высший полицейский офицер (ἐπιτηροφύλαξ)¹. Усиливается в это время и речная полиция (ποταμοφυλακία)².

Но, очевидно, регулярная полиция не могла справиться с задачей ликвидации «разбоев», и с III в. мы встречаем в папирусах частые упоминания о существовании специальных крестьянских отрядов для вылавливания «разбойников» (ληστοπισται). Крестьяне привлекались к этому принудительно в порядке литургии и весьма неохотно исполняли ее. Целый ряд приказов издавался с целью понудить их к исполнению этой литургии под угрозой суровых наказаний³.

Но эти приказы, очевидно, мало помогали делу. Крестьяне вместо поимки буколов и других «разбойников» давали им приют у себя, укрывая их от преследования полиции. Это подтверждает очень интересный папирус из Оксиринок от 210—214 г., в котором содержится циркулярное письмо префекта Бебия Юнциана стратегам Гептаномии и Арсинои. В этом циркуляре префект дает строжайшее предписание всем местным властям с неослабной энергией разыскивать и вылавливать разбойников. Он требует решительных мер и трижды указывает на опасность, которая угрожает номам, если власти будут пренебрегать этим делом: «Я уже в предшествующих своих циркулярах приказывал вам с неослабным старанием разыскивать повсюду разбойников и предупреждал вас об опасности, если пренебрегают этим. В настоящее время я хотел бы вновь подтвердить свое распоряжение для того, чтобы все жители Египта знали, что я считаю эти розыски самым важным делом». К этому циркуляру приложен эдикт, который грозит суровым наказанием тем, кто укрывает разбойников от властей. «Так как очевидно для всех, что невозможно искоренить разбойников, если укрывают их, то они должны быть лишены своих покровителей, и тогда мы быстро уничтожим их. Имеется много причин давать им приют: некоторые укрывают их потому, что сами являются их сообщниками, другие не сочувствуя...» (Здесь папирус обрывается)⁴.

«Римская империя, — писал Э. Мейер, — дала миру эпоху глубочайшего спокойствия»⁵. Буколы служат лучшим опровержением такой идеализации римского мирового господства.

Римская империя вела к обострению классовых противоречий, и размах движения буколов как раз в «счастливый» век Антонинов — один из показателей того кризиса, к которому, в конце концов, привела военная диктатура рабовладельческого класса.

¹ BGU, 321; 375; 6; Pap. Oxy., 1,80.

² Pap. Flor., 91; PSI, 734; Pap. Gen., 1; CIL, II, 1970. M. Rostovtzeff, The social and economic history of the Roman Empire, Oxf. 1926, стр. 606, прим. 44.

³ BGU, 325; ср. Wilcken, Chrest., 401; 472; 473. Pap. Oxy., 1,80. O. Hirschfeld, Die ägyptische Polizei der römischen Kaiserzeit, Kleine Schriften, стр. 614, M. Rostovtzeff, ib., стр. 437.

⁴ Pap. Oxy., XII, 1408. Ср. Pap. Oxy., 110 и BGU, 646.

⁵ Э. Мейер, Экономическое развитие древнего мира, М., 1910, стр. 79.